

DOI: 10.31857/S032103910005031-7

J. HYLAND. Persian Interventions. The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450–386 BCE. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 272 p.

В последние десятилетия в историографии существенно возрос интерес к истории греко-персидских отношений, что было связано с переосмыслением роли Персии в политической жизни архаической и классической Греции, начало которому положила монография известного британского исследователя Д. М. Льюиса «Спарта и Персия» (1977), написанная на основе цикла лекций, прочитанных автором в университете г. Цинциннати (США); в этой книге не освещается весь более чем двухвековой период греко-персидских отношений, а уделяется внимание в основном периоду от смерти Артаксеркса I в 424 г. до н.э.¹ и до Антаклидова мира 386 г.² Суть переосмысления состояла в том, чтобы переместить акцент в истории греко-персидских отношений с изучения военных столкновений, в частности Греко-персидских войн, на процесс политического взаимодействия, прежде всего дипломатического³. Исследование этой темы нашло свое логическое продолжение в монографическом исследовании другого британского антиковеда Дж. Коуквелла «Греческие войны. Неудача Персии» (2005), в котором автор заявляет о своем стремлении рассматривать греко-персидские отношения с позиции Персии⁴ (этот подход уже был намечен ранее Льюисом⁵), однако во главу угла ставит анализ военного противостояния греков и персов в период от возникновения Персидской империи при Кире Великом ок. 550 г. до походов Александра Македонского⁶.

И вот, спустя сорок лет после выхода в свет книги Льюиса, в начале 2018 г., была опубликована монография Дж. Хайланда, преподавателя университета Кристофера в г. Ньюпорт-Ньюс (штат Вирджиния)⁷, хронологически охватывающая почти тот же период, что и работа Льюиса (отличие от последней только в том, что Хайланд более обстоятельно рассматривает Каллиев мир 449 г. и его последствия), и по большей части уделяет внимание тем же самым вопросам истории греко-персидских отношений. Общее впечатление от новой книги следующее: она фактически не предлагает читателю всестороннего исследования взаимоотношений греческого мира и ахеменидской империи в указанный хронологический период (от Каллиева мира 449 г. до Антаклидова мира 386 г.). Вместо этого автор монографии, стремясь быть в мейнстриме современного антиковедения, в особенности американского, сосредоточил внимание на теоретическом осмыслении роли Персии в межполитических отношениях классической Греции. С этой целью Хайланд прибегает к построению различных

¹ Далее все даты в рецензии — до нашей эры.

² Lewis 1977. О научной деятельности Д. М. Льюиса см. Hornblower 1996.

³ Rung 2008a. Между тем греко-персидские дипломатические отношения как таковые не часто становятся темой специальных исследований (исключения: Rung 2008b; Mariggiò 2013); чаще всего они рассматриваются как один из аспектов греко-персидских отношений в целом (Miller 1997, 3–28; Mitchell 1997, 111–133; Morgan 2016).

⁴ Sawkwell 2005, 1.

⁵ Lewis 1977, 133–134; 1997, 368.

⁶ Коуквелл заявляет, что «Греческие войны» (с точки зрения персов, тогда как с точки зрения греков, это «Персидские войны») — это не только военные действия в первой половине V в., но и все контакты между Грецией и Персией, как дипломатические, так и военные, завершившиеся анабасисом Александра Великого (Sawkwell 2005, 2).

⁷ Хайланд является автором и других работ по тематике греко-персидских отношений, в том числе диссертации, защищенной в 2005 г. (Hyland 2005). В своих работах он уделял основное внимание деятельности персидских сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза (Hyland 2008), отражению их образов в труде Фукидида (Hyland 2004; 2007), а также другим вопросам ахеменидской тематики (Hyland 2014; 2015).

«теоретических моделей», определяющих, по его мнению, характер греко-персидских отношений в указанный период. Основной же «моделью» является «модель интервенции» — вмешательства одного государства в дела других. В отношении Персии Хайланд заявляет: «Царь также претендовал на то, чтобы поддерживать всеобщий мир посредством вмешательства в споры между отдаленными народами» (с. 8). Период же, который характерен осуществлением такого вмешательства, исследователь называет «интервенционистским» (с. 3–4).

Книга состоит из восьми глав. В первой, вводной главе «Ахеменидская Персия и греки за морем» (с. 1–14) автор рассматривает сложившуюся в историографии точку зрения, что действия персов в Малой Азии в исследуемый период были направлены на возврат контроля над полисами Ионии и их защиту от посягательств Афин и Спарты путем сохранения определенного баланса между ними, поддержания и продления их конфликта без своего прямого вмешательства. Первым ее выразителем исследователь справедливо считает Фукидида. Эта «модель уравниловки» (“balancing model”) представляет персов проводниками стратегии реализма (с. 5–6). Считая этот взгляд слабо обоснованным, Хайланд предлагает свою трактовку отношений персов с греками и вмешательства первых во взаимоотношения эллинов, уделяя особое внимание двум принципам мировоззрения Ахеменидов: 1) претензии на мировое господство и 2) мандату на обеспечение стабильности окраинных регионов, в которых царил хаос, в рамках *рэх Персика*⁸ (с. 7–10). Автор показывает, как персы видели свое главенство в мире и как этот взгляд находил воплощение в отношениях с греками, замечая при этом, что на такое позиционирование в мире персидские монархи должны были претендовать не только в период своих завоеваний на Западе: «Некоторые исследователи подвергали сомнению уместность экспансионистской идеологии после того момента, когда прекратились завоевания Персии на Западе. Однако сомнительно, что военные неудачи в Эгее вынудили персов отказаться от стремлений к всемирной державе» (с. 9). Уже Э. Бэдиан в ряде своих работ рассматривал греко-персидские отношения с позиции доминирования персидских царей не только в мире своих собственных подданных, но и на международной арене⁹. Однако Хайланд на протяжении всей своей книги стремится доказать, что греко-персидские отношения от Каллиева мира до Анталкидова должны рассматриваться с учетом претензий Ахеменидов на мировое господство.

Во второй главе «Артаксеркс I и афинский мир» (с. 15–36) рассматривается период Каллиева мира, причем события доводятся до вступления Персии в Пелопоннесскую войну. Прежде всего автор задает вопрос, почему Артаксеркс I пошел на заключение мира с Афинами, и исследует его с позиции тех преимуществ, которые царь мог получить от мира с Афинами. Артаксеркс мог видеть Афины в качестве «клиентского государства», способного оказать содействие имперскому процветанию. Поэтому «модель выгодного мира» может объяснить отсутствие интереса царя к восстановлению власти над Ионией, по крайней мере до Пелопоннесской войны, которая привела к тому, что персы снова просчитали потери и выгоды от этого шага (с. 16). Хайланд осознает, что проблема Каллиева мира — одна из наиболее остро дискутируемых в историографии, но его обзор различных точек зрения на аутентичность мира, его датировку и т.д. предельно краток (с. 16–18).

Исследуя экономические и идеологические моменты заключения этого мира, Хайланд оценивает экономические убытки державы Ахеменидов от потери малоазийских полисов (с. 18–23), отмечая, что решение Артаксеркса о мире повлекло за собой настоящую экономическую жертву, не говоря уже о потере важного символа имперской власти над бывшими данниками. На с. 21 приведены 2 таблицы, в которых удобным образом показаны суммы дани, которую союзники в период 450/449–440/439 гг. платили Афинам, что позволяет судить о тех экономических потерях, которые понесли персы. Однако эти потери могли быть возмещены другими доходами в Малой Азии, причем царь извлек выгоду из своего понимания мироустройства (“comprehensive worldview”), согласно которому Анатолия — это только часть имперской вселенной (с. 23). Далее довольно подробно разбираются проблемы постройки флота и его снабжения. Автор делает вывод, что бремя расходов на флот было достаточным основанием для сдержанности во внешней политике к середине V в., даже если Артаксеркс не сомневался в способности выигрывать морские сражения. Последовала волна прибыли, поскольку персидские подданные из Леванта и Египта активизировали экономические контакты с Афинами, что придавало ценность длительному миру (с. 28).

Таким образом, по мнению Хайланда, экономические выгоды мира также устраивали царя. Именно внимание к экономическому фактору в связи с проблемой Каллиева мира придает

⁸ *Rax Persica* — определение, набирающее популярность в современной историографии ахеменидской империи, которое используют для характеристики персидской имперской идеологии (Briant 2002, 171; Brosius 2005; 2010; 2012). И.Е. Суриков рассматривает греко-персидские отношения в рамках теоретической модели «центр — периферия» (Surikov 2017, 182–190).

⁹ Badian 1987, 27; 1991, 38; 1994, 108–109.

существенную новизну данной трактовке договора. Однако автор не ставит вопрос о том, как соотносились между собой идеологические, политические и экономические факторы, приведшие к заключению мира. В итоге рассмотрение «Афинского мира» (по определению Хайланда) выглядит во многом односторонним, с существенной переоценкой роли экономического фактора в ущерб всем остальным. Кроме того, его точка зрения, что Афины после заключения мира в глазах Артаксеркса I, поддерживающего «универсалистской идеологии», получили «клиентский статус» (с. 34), является не более чем еще одной «теоретической моделью», которыми столь изобилует рецензируемая монография (понятно, что никаких данных на этот счет, даже косвенных, не существует), и потому представляется далеко не бесспорной.

Глава завершается рассмотрением войны между Афинами и Самосом с точки зрения вмешательства в этот конфликт персидского сатрапа Писсуфна, которое персы, выступая на стороне пострадавших, могли рассматривать как установление справедливости. Артаксеркс, возможно, одобрил действия Писсуфна с точки зрения своей идеологии (с. 35–36). Однако вопрос о том, насколько сатрапы были независимы в своей политике по отношению к грекам, Хайланд не рассматривает специально и не выражает своего отношения к соответствующей дискуссии в историографии¹⁰. Как бы там ни было, это вмешательство носило ограниченный характер и не привело к столкновению Персии и Афин. Исследователь высказывает критическое отношение к выдвинутой С. К. Эдди¹¹ концепции «холодной войны» (по словам Хайланда, «модели холодной войны») между Афинами и Персией в период пентеконтаэтии, заявляя, что «эта интерпретация допускает риск принятия спорных эпизодов за далеко идущую стратегию» (с. 34).

Автор монографии отмечает, что Пелопоннесская война могла бы внести больше напряженности в персидско-афинские отношения, но Артаксеркс I сохранял свою политику в отношении Афин неизменной до конца правления. Хайланд полагает, что решение Дария II вмешаться в греческие дела в 413 г. было актом «имперского оппортунизма», но не для того, как это обычно предполагалось в историографии, чтобы воспользоваться поражением Афин, а с целью «перенастроить» персидское влияние на греков после утраты Афинами их значения как «клиента империи» (с. 36).

Следующие главы посвящены греко-персидским отношениям собственно в период Пелопоннесской войны 431–404 гг. Изложение событий ведется в хронологической последовательности, уделяется внимание как причинам, так и основным этапам персидского вмешательства в ход данного конфликта. В третьей главе «Пелопоннесская война и путь к интервенции» (с. 37–52) отмечается, что несмотря на заключение Эпиликова договора через некоторое время отношения Афин и Персии ухудшились вследствие поддержки Афинами восстаний Писсуфна и Аморга. Оценивая Эпиликов мирный договор (заключение которого Хайланд датирует между 423 и 421 гг.), он не только признает его историчность, но и пытается оценить его глазами персов: «С персидской точки зрения, его заключение должно было афишировать образ Дария как правителя, заботящегося о стабильности на земле, его влияние на народы за морем и завершение им трудов его отца» (с. 43)¹².

Исследователь полагает также, что оратор Андокид (III. 29), обвиняя Афины в бессмысленной поддержке мятежника Аморга, сына Писсуфна, на самом деле упрощал ситуацию: именно восстание самого Писсуфна должно было вызвать первые осложнения в отношениях афинян с царем (с. 42). После краткого обзора историографической дискуссии о том, поддержали ли Афины восстание Писсуфна или только Аморга¹³, Хайланд приходит к «компромиссному» предположению: даже кажущегося сотрудничества афинян с Писсуфном¹⁴ было вполне достаточно, чтобы вызвать неудовольствие царя (с. 44).

Говоря об обстоятельствах персидского вмешательства в Пелопоннесскую войну на стороне Спарты, исследователь считает побудительным мотивом к этому афинскую катастрофу на Сицилии в 413 г. Своим решением потребовать с прибрежных греческих городов Малой Азии недоимки по подати царь возвратил тем в финансовые и административные области сатрапов (с. 46), тем самым подталкивая своих наместников на полуострове к враждебным действиям против афинян и к поиску союза со Спартой (с. 47). Сатрапы же Тиссаферн и Фарнабаз, которые названы «агентами интервенции» царя, проводили в жизнь политику Дария II по поддержке Спарты против Афин, что не

¹⁰ См. Waters, Claire 2010; Rung 2011.

¹¹ Eddy 1973.

¹² Очевидно, Хайланд справедливо не рассматривает Эпиликов договор как простое возобновление Каллиева мира, хотя и не показывает его основные отличия от прежнего договора (см. Blamire 1975; Rung 2000a).

¹³ Различные интерпретации позиции Афин в отношении мятежей Писсуфна и Аморга см. Westlake 1977; Rung 2005; 2011.

¹⁴ Хотя бы на том основании, что предводителем наемников этого мятежного сатрапа был афинянин Ликон (Ctes. *FGrH* 688. F 53).

являлось политикой поддержания баланса между Афинами и Спартой. Просто роль «имперского клиента» теперь перешла от Афин к Спарте (с. 36, 47, 52).

Считая мотивы «интервенции» Тиссаферна и Фарнабаза в Пелопоннесскую войну вполне понятными, исследователь задается вопросом, почему сатрапы столь щедро обещали субсидии спартамцам, если требование царя об уплате недоимок по подати должно было поставить их в трудное положение, а Дарий не предложил им царские средства, так что они должны были рассчитывать на собственные ресурсы (с. 51). Победа над Афинами должна была казаться быстрой, и это не потребовало бы мобилизации финикийского флота, так что сатрапы могли рассчитывать обойтись относительно малыми средствами, которые оказались бы решающим фактором в скоротечной войне (с. 51).

В четвертой главе «Война Тиссаферна и договор 411 г.» (с. 53–75) рассматриваются политика Тиссаферна в 412–411 гг. и договор Персии и Спарты. Рассуждения Фукидида (VIII. 46. 1; 52. 2; 85. 2) о том, что Тиссаферн под непосредственным влиянием Алкивиада уже начал проводить «стратегию равновесия», не поддерживают теорию ахеменидской Realpolitik, представленную во многих современных интерпретациях, но отражают искаженное понимание хвастливой заявлений Алкивиада (с. 53). Хайланд подробно разбирает содержание трех договоров Спарты и Персии и следует наиболее распространенному в историографии мнению, что первые два договора были лишь «проектами» (с. 56, 62, 64–65, 68, 70, 74–75, 79, 85), которые так и не были ратифицированы Спартой¹⁵. Анализ же соглашений, предпринятый исследователем, сам по себе довольно интересен.

Так, оценивая первый договор (Thuc. VIII. 18), Хайланд полагает, что он распространял влияние царя вплоть до Эгеиды, а тот пункт, который предусматривал помощь Персии спартамцам в войне против мятежников, он считает не просто формальностью, вызванной необходимостью сбалансировать условия договора (поскольку другим пунктом была заявлена помощь спартанцев в борьбе с восставшими против царя, определенно направленная против Аморга), а проявлением готовности Тиссаферна защитить интересы своих друзей даже ценой вмешательства в дела материковой Греции (с. 56). Второй договор в большей своей части (Thuc. VIII. 37) устанавливал новые правила для поведения пелопоннессцев на персидской территории, начинаясь и завершаясь условиями о взаимном ненападении, что могло казаться диссонансом недавнему сотрудничеству и, возможно, указывало на трения между войсками Тиссаферна и спартанскими союзниками (с. 63). И хотя Дарий, как считает Хайланд, снова одобрил договор, отказ спартанцев признать условия предшествующих соглашений привел к возобновлению персидско-афинских дипломатических контактов. Исследователь уже привычно оценивает все эти события с позиции претензий персидского царя на мировое господство и отмечает реакцию греков на такого рода претензии.

В отношении судьбы первых двух договоров автор монографии заявляет: «Тем не менее ахеменидская идеология предполагала верховенство царя в мире, прямое или не прямое, а приравнивание власти Дария к власти его предков имело особое значение в свете восстаний, которыми было отмечено начало его царствования. Протест же Лихаса звучит как отказ от признания того, что Дарий был столь же силен, как и предыдущие ахеменидские правители, или того, что он заслуживал претензии на мировое господство» (с. 68). Последовавшую попытку Тиссаферна заключить договор с Афинами (Thuc. VIII. 56) Хайланд оценивает следующим образом: «Переговоры же Тиссаферна с Писандром лучше понимать как истинную попытку убедить Афины капитулировать и признать персидское превосходство. Дарий мог желать восстановить состояние *philia*, как было предусмотрено Эпиликовым миром, если бы афиняне прекратили свои враждебные действия в результате нового урегулирования отношений и потери территории, которую Персия однажды позволила им использовать. Это означало бы условия царя, но было неприемлемо для афинян... думавших, что они вели переговоры о военном союзе» (с. 70).

Третий договор Спарты и Персии (Thuc. VIII. 58) весной 411 г., по мнению исследователя, заложил основы для того, чтобы царь мог претендовать на окончательную победу (с. 74). Автор приходит к выводу, что соблюдение условий альянса со Спартой казалось самым верным способом завершить вмешательство Дария в греческие дела и упрочить его образ как «правителя мира», способного вознаградить союзников, покарать врагов и установить мир за морем. Спланированная морская кампания проложила путь к развязке, однако ухудшение отношений Тиссаферна с ионийскими греками и спартамцами не позволило реализовать условия договора (с. 75).

¹⁵ Gomme, Andrewes, Dover 1981, 40; Kagan 1987, 48; Mitchell 1997, 115; Cawkwell 2005, 149. Однако Льюис вообще не касается вопроса о том, были ли два первых договора каким-то образом формализованы (Lewis 1977, 90–95). Э. Леви полагал, что нет основания считать третий договор более формализованным, чем два предыдущих, и также выступил против мнения, что два первых договора были проектами (Lévy 1983).

В пятой главе «Царский флот и неудача интервенции сатрапов» (с. 76–97) рассматривается вопрос о возможности оказания персами военной помощи спартамцам, в частности использования в войне против афинян финикийского флота. Касаясь дискуссионного вопроса, почему же в итоге финикийский флот не достиг побережья Эгейского моря¹⁶, а задержался в Аспенде, Хайланд полагает, что это произошло по приказу царя, который мог надеяться на урегулирование отношений с Афинами после олигархического переворота 411 г. Тиссаферн же, которого уже современники обвиняли в затягивании войны, по мнению исследователя, фактически оказался непричастен к этому (с. 79). Что же касается проблем с выплатами сатрапом содержания морякам пелопоннесского флота, которое он должен был осуществлять по условиям третьего договора, автор монографии также снимает с него ответственность, объясняя его действия недостатком финансирования со стороны царя (с. 79). Рассматривая действия Тиссаферна, в результате которых ионийские города восстали против его гарнизонов, а спартамцы ничего не предприняли для исправления ситуации, что вызвало гнев Дария и окончательный отзыв флота, который должен был помочь спартамцам, Хайланд ставит вопросы, почему же тогда царь позволил своим сатрапам продолжать финансировать союзный флот и почему Тиссаферн оправдывался перед спартамцами, вместо того чтобы сообщить, что персидский флот был отозван в отместку за их неправомерное поведение. Ответ может заключаться в том, что Дарий несмотря на свой гнев на спартамцев видел мало пользы в позиции, которая бы грозила навсегда разрушить союз, усугубляла нестабильность в ионийских городах и демонстрировала отсутствие влияния Персии на своих «клиентов» и неспособность разрешить проблему войны между греками. Поэтому он, напротив, разрешил Фарнабазу продолжать оказывать помощь спартамцам (с. 90–91). Не вполне ясным остается вопрос о том, как именно соотносились между собой действия Дария, с одной стороны, и Тиссаферна и Фарнабазы, с другой¹⁷. В конце главы описываются действия сатрапов на Геллеспонте (с. 91–96), говорится о победе Афин и уничтожении спартамского флота, указывается на то, что неспособность Фарнабазы защитить главные прибрежные города вела персидский союз со Спартой к краху (с. 95–96).

В шестой главе «Кир Младший и спартамская победа» (с. 98–121) анализируются действия сатрапов в 410–408 гг., а также изучаются вопросы, связанные с посольством Беотия (Xen. *Hell.* I. 4. 2). Надо заметить, что саму гипотезу о существовании «договора Беотия» высказал еще Льюис, и в дальнейшем эта тема регулярно попадала в поле зрения тех исследователей, которые занимались изучением греко-персидских отношений¹⁸. Хайланд, однако, выражает свое скептическое отношение к идее, что был заключен еще один договор между Спартой и Персией (с. 106). Исследователь указывает на то, что Дарий давно намеревался нанести поражение Афинам, однако ждал до тех пор, пока Спарта проявит больше уважения к его власти. После того как посольство Беотия удовлетворило это ожидание, Дарий оказал Спарте поддержку, которая должна была привести ее к победе (с. 104). Хайланд пишет, что нанесение поражения Афинам должно было способствовать увеличению доходов империи от малоазийских сатрапий, а в идеологическом плане спартамская победа лучше засвидетельствовала бы могущество Персии, чем дипломатическое перемирие после серии поражений союзников, которые могли бы указать на неспособность царя выполнить свои первоначальные угрозы Афинам (с. 105). В выполнении задачи помощи Спарте большую роль сыграл Кир Младший. На с. 110 и 117 приводятся таблицы, которые наглядно демонстрируют расходы Кира на содержание пелопоннесского флота, а на с. 119 – сводная таблица всех ахеменидских расходов на поддержку спартамского флота в 412–404 гг. В итоге Хайланд утверждает, что победа Спарты была также победой и Персии, продемонстрировавшей силу империи и ее причастность к успехам своих клиентов (с. 120). Что же касается экономической выгоды от поражения Афин, то события, последовавшие за смертью Дария II, помешали ее достижению (с. 120–121).

В седьмой главе «Артаксеркс II и война со Спартой» (с. 122–147) исследуются вопросы персидской политики в Ионии, персидско-спартамские отношения перед войной, взаимоотношения Кира Младшего и сатрапов Малой Азии. Хайланд затрагивает проблемы, связанные с мятежом Кира и перспективами персидско-греческих отношений в случае победы царевича, анализирует события конфликта Спарты и Персии. Артаксеркс II должен был унаследовать от Дария II власть над анатолийскими греками и покровительство победившей Спарте, но в дело вмешались амбиции Кира Младшего: тот заручился поддержкой в ионийских городах, обратился за помощью к спартамцам и набрал греческих наемников, с помощью которых собирался бороться за корону (с. 122). После же гибели Кира Артаксеркс нуждался в том, чтобы восстановить свою власть в Западной Анатолии и тем самым завершить подавление восстания. Это и привело к столкновению царя со Спартой,

¹⁶ Различные мнения: Lewis 1958; Lateiner 1976; Keen 1998, 101.

¹⁷ О проблеме соотношения царской и сатрапской политики в отношении греков см. Rung 2016.

¹⁸ Lewis 1977, 125; Tuplin 1987; Podrazik 2015; Rung 2000b.

взявшей на себя роль защитника малоазийских греков. Но когда спартанцы совершили вторжение в Ионию в 399 г., Артаксеркс, хотя и считал их «самыми наглými из всех людей» (Plut. Artax. 22), позволил своим военачальникам вести с ними в длительные переговоры и заключать перемирия. Использование царем такой дипломатической стратегии отражало желание Артаксеркса подчинить анатолийских греков и восстановить свое влияние на «трансэгейских» греков с минимальными затратами (с. 127).

В восьмой главе «Персия, Коринфская война и Царский мир» (с. 148–168) Хайланд указывает, что началом вмешательства персов в войну можно считать миссию Тимократа Родосского¹⁹ (с. 150). Важен вывод о том, что провозглашение, согласно условиям Царского мира, автономии для греков за пределами Персии было выражением универсальной власти персидского монарха, которая проявлялась в том, что греческая свобода была в персидских руках и обеспечение справедливости не заканчивалось на границах империи, а распространялось и на людей, чью свободу он защищал (с. 166). Иными словами, Артаксеркс руководствовался не только прагматическими, но и идеологическими соображениями как при вмешательстве в греческие дела, так и при заключении Царского мира.

В заключении к монографии (с. 169–172) Хайланд выражает надежду, что тема вмешательства Персии в греческие дела в дальнейшем будет занимать большее место в исследованиях дипломатической истории Персии, Афин и Спарты и что исследователи истории государств, претендовавших в последующем на мировое господство, смогут опираться на пример взаимодействия Персии с клиентами на окраинах империи (с. 172).

Подводя итог анализу монографии Хайланда, можно отметить, что перед читателем незаурядное произведение, отчасти небесспорное, но наводящее на определенные размышления о том, как идеологические доктрины оказывали непосредственное влияние на внешнюю политику и международные отношения. Интерес к теоретическим построениям, моделям безусловно является наиболее заметной и сильной стороной работы, тем не менее излишняя увлеченность автора теоретизированием часто приводит к тому, что высказываются опрометчивые и спорные суждения, которые не находят непосредственного подтверждения в источниках.

Об одном таком суждении хотелось бы сказать особо. Безусловно, можно согласиться с тем, что имперская идеология Ахеменидов была присуща как периоду великих персидских завоеваний от Кира Великого до Ксеркса, так и времени, когда завоевательная активность персов пошла на спад. Однако едва ли можно согласиться с автором, будто персы не были заинтересованы в том, чтобы уравновесить силы соперничающих сторон в Греции, а их вмешательство в межполисные отношения не определялись стремлением поддержать более слабого против более сильного. Рисуемая Хайландом картина того, как Ахемениды делали ставку на «клиентские государства» среди ведущих греческих полисов, боровшихся за гегемонию в Греции (Афины и Спарту), ради поддержания мира и стабильности на периферии персидской державы, в значительной степени упрощает ситуацию и не учитывает, насколько по-разному относились к грекам цари и малоазийские сатрапы. А между тем Фукидид (VIII. 46. 1; 52. 2; 85. 2) именно Тиссаферну, которого Хайланд считает просто «агентом интервенции» царя, вменяет в вину проведение политики уравнивания по отношению к грекам²⁰. Тиссаферн же, как и все остальные сатрапы, стремился к проведению самостоятельной политики по отношению к греческому миру.

Таким образом, свидетельства активной роли сатрапов и пассивной, довольно инертной позиции Великого царя, чему можно найти подтверждения в источниках²¹, не поддерживают точку зрения Хайланда о сатрапах как лишь «проводниках» политики царя, а рисуют альтернативную модель греко-персидских отношений, которая может лучше объяснить многие аспекты как персидской политики в отношении греческого мира, так и греческого восприятия этой политики. Идея же Хайланда о ведущих балканских греческих полисах как «клиентах» Великого царя предлагает только гипотетический взгляд с учетом персидской перспективы и не более.

Если же говорить о персидском восприятии отношений с греками, на наш взгляд, следовало бы отметить его отличие от того, как эти же отношения воспринимались греческой стороной. Так, существующие свидетельства источников предполагают, что мирные и союзные договоры греков с персидскими царями, очевидно, должны были восприниматься персами как наделение тех или иных греков статусом «друзей царя» (перманентно – фиванцев и аргосцев, эпизодически – афинян и спартанцев) с перспективой повышения этого статуса до «благодетелей царя» (фиванцы)²². В итоге

¹⁹ См. дискуссию о роли «золота Тимократа»: Cook 1990; Rung 2004; Schepens 2012.

²⁰ Rung 2008с, 37.

²¹ Подробнее см. Rung 2015; 2016. Прав был Льюис, что у царей было слишком много дел, чтобы постоянно думать о греках (Lewis 1997, 369).

²² Основные свидетельства см. Rung, Venidiktova 2017.

греки оказывались включенными в «дворцовую иерархию», где их статус определялся отношением к царю Персии. Именно такую роль и «примерял» на себя позднее Александр Великий, позиционируя себя в качестве преемника Ахеменидов. Однако «друзья царя» и «благодетели царя» были только обозначениями статусов в ахеменидской империи, и едва ли их носители могли определяться как «клиенты царя» (хотя в ряде случаев носители таких статусов в Греции и могли выступать проводниками персидских интересов). В целом политический расклад оказывался гораздо сложнее.

Исследователь не учитывает того очевидного факта, что сами греки готовы были сознательно допустить вмешательство персов в их дела, поскольку могли быть заинтересованы в таковом, и, наконец, считает простыми провокациями случаи вмешательства²³ греков в дела Персии, такие как афинская вооруженная поддержка Зопира, сына Мегабиза, и Аморга, сына Писсуфна (с. 41). Поддержку, оказанную Спартой мятежу Кира Младшего, исследователь фактически оставляет без необходимых комментариев, ограничившись несколькими словами (с. 122, 126). Не уделяет он должного внимания и сообщениям источников о конечных целях кампании Агесилая в Малой Азии (Xen. *Hell.* IV. 1. 41; Plut. *Ag.* 15).

Таким образом, монография Дж. Хайланда, которая обладает рядом несомненных достоинств, содержит некоторые спорные и противоречивые моменты. Несмотря на это можно с уверенностью сказать, что наряду с книгами Д. М. Льюиса и Дж. Коуквелла она будет востребована как специалистами по истории греко-персидских отношений, так и широкой аудиторией.

Литература / References

- Badian, E. 1987: The peace of Callias. *Journal of Hellenic Studies* 107, 1–39.
- Badian, E. 1991: The King's Peace. In: *Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell*. (BICS Supplement, 58). London, 25–48.
- Badian, E. 1994: Herodotus on Alexander I of Macedon: a study in some subtle silences. In: S. Hornblower (ed.), *Greek Historiography*. Oxford, 107–127.
- Blamire, A. 1975: Epilycus' negotiations with Persia. *Phoenix* 29, 1, 21–26.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake (IN).
- Brosius, M. 2005: *Pax Persica: Königliche Ideologie und Kriegführung im Achämenidenreich*. In: B. Meissner, O. Schmitt (eds.), *Krieg – Gesellschaft – Institutionen*. Halle–Wittenberg, 135–161.
- Brosius, M. 2010: *Pax Persica* and the peoples of the Black Sea region: extent and limits of Achaemenid imperial ideology. In: J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*. London.
- Brosius, M. 2012: Persian diplomacy between “Pax Persica” and “Zero-Tolerance”. In: J. Wilker (ed.), *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece*. Mainz, 150–164.
- Cawkwell, G.L. 2005: *The Greek Wars. The Failure of Persia*. Oxford.
- Cook, M.L. 1990: Timokrates' 50 talents and the cost of ancient warfare. *Eranos* 88, 1, 69–97.
- Eddy, S.K. 1973: The cold war between Athens and Persia, ca. 448–412 BC. *Classical Philology* 63, 241–258.
- Gomme, A.W., Andrewes, A., Dover, K.J. 1981: *A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. Book VIII*. Oxford.
- Hornblower, S. 1996: David Malcolm Lewis 1928–1994. *Proceedings of the British Academy* 94, 557–596.
- Hyland, J. 2004: Waiting for Tissaphernes: Athens and Persia in Thucydides VIII. *Syllecta Classica* 16, 71–101.
- Hyland, J. 2005: *Tissaphernes and the Achaemenid Empire in Thucydides and Xenophon*. PhD Dissertation. Chicago.
- Hyland, J. 2007: Thucydides' portrait of Tissaphernes re-examined. In: C.J. Tuplin (ed.), *Persian Responses: Political and Cultural Interaction with(in) the Achaemenid Empire*. Swansea, 1–26.
- Hyland, J. 2008. Pharnabazos, Cyrus' rebellion, and the Spartan War of 399. *Arta. Achaemenid Research on Texts and Archaeology* 3, 1–27.
- Hyland, J. 2014: The casualty figures in Darius' Bisitun inscription. *Journal of Ancient Near Eastern History* 1, 2, 173–199.
- Hyland, J. 2015: The Prince and the Pancratiast: Persian-Thessalian Relations in the late fifth century BC. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 55, 2, 315–328.
- Kagan, D. 1987: *The Fall of the Athenian Empire*. Ithaca (NY).
- Keen, A.G. 1998: Persian policy in the Aegean, 412–386 BC. *Journal of Ancient Civilizations* 13, 93–110.

²³ Понятие «интервенции» по отношению к грекам Хайланд не применяет.

- Lateiner, D. 1976: Tissaphernes and the Phoenician fleet (Thucydides, 8.87). *Transactions of the American Philological Association* 106, 279–290.
- Lévy, E. 1983: Les trois traités entre Sparte et le Roi. *Bulletin de correspondance Hellénique* 107, 1, 221–242.
- Lewis, D.M. 1958: The Phoenician fleet in 411 BC. *Historia* 7, 3, 392–397.
- Lewis, D.M. 1977: *Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen*. Leiden.
- Lewis, D.M. 1997: *Selected Papers in Greek and Near Eastern History*. Cambridge.
- Mariggiò, V.A. 2013: *Greci e Persiani: storia delle relazioni diplomatiche (550–386 a. C.)*. Monteroni di Lecce.
- Miller, M.C. 1997: *Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity*. Cambridge.
- Mitchell, L.G. 1997: *Greeks Bearing Gifts: The Public Use of Private Relationships in the Greek World, 435–323 BC*. Cambridge.
- Morgan, J. 2016: *Greek Perspectives on the Achaemenid Empire. Persia Through the Looking Glass*. Oxford.
- Podrazik, M. 2015. Cyrus the Younger, Greek envoys, and the so-called Treaty of Boiotios (409–408 BC). *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 6, 78–93.
- Rung, E.V. 2000a: [The Ephyraean peace treaty]. *Vestnik Drevnei Istorii [Journal of Ancient History]* 3, 85–96.
Рунг, Э.В. Эпирский мирный договор. *ВДИ* 3, 85–96.
- Rung, E.V. 2000b: [The treaty of Boiotios]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Mezhdgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti [Interstate Relations and Diplomacy in Antiquity]*. Kazan, 113–135.
Рунг, Э.В. Договор Беотия. В кн.: О.Л. Габелко (ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 113–135.
- Rung, E. 2004: Xenophon, the Oxyrhynchus Historian and the mission of Timocrates to Greece. In: C.J. Tuplin (ed.), *Xenophon and His World*. Stuttgart, 413–425.
- Rung, E.V. 2005: [Athens and the revolt of Amorgos]. *Studia historica* V, 23–36.
Рунг, Э.В. Афины и мятеж Аморгос. *Studia historica* V, 23–36.
- Rung, E.V. 2008a: [On a new paradigm of the study of Greco-Persian relations in historiography]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]* 150, 1, 234–240.
Рунг, Э.В. 2008a: О новой парадигме исследования греко-персидских отношений в историографии. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 150, 1, 234–240.
- Rung, E.V. 2008b: *Gretsiya i Akhemenidskaya derzhava: Istoriya diplomaticheskikh otnosheniy v VI–IV vv. do n.e. [Greece and the Achaemenid Empire: The History of Diplomatic Relations in 6th–4th cent. BC]*. Saint Petersburg.
Рунг, Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI – IV вв. до н.э. СПб.
- Rung, E. 2008c: War, peace and diplomacy in Graeco-Persian relations from the sixth to the fourth Century B.C. In: Ph. de Souza, J. France (eds.), *War and Peace in Ancient and Medieval History*. Cambridge, 28–50.
- Rung, E.V. 2011: [Pissuthnes and Athens: the vicissitudes of the relationship]. In: E.D. Frolov (ed.), *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World]*. Issue 10. Saint Petersburg, 57–72.
Рунг, Э.В. Писсуфн и Афины: перипетии взаимоотношений. В кн.: Э.Д. Фролов (ред.), *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 10. СПб., 57–72.
- Rung, E.V. 2015: [The Kings of the Achaemenid empire as diplomats (on the specifics of the diplomatic relations between the Persian monarchs and the Greeks)]. In: E.D. Frolov (ed.), *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World]*. Issue 15. Saint Petersburg, 132–149.
Рунг, Э.В. 2015: Цари Ахеменидской империи как дипломаты (о специфике дипломатических отношений персидских монархов с греками). В кн.: Э.Д. Фролов (ред.), *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 15. СПб., 132–149.
- Rung, E.V. 2016: [The Persian satraps as diplomats (on the specifics of the relations between the Achaemenid officials and the Greeks)]. In: E.D. Frolov (ed.), *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World]*. Issue 16, 1. Saint Petersburg, 41–66.
Рунг, Э.В. 2016: Персидские сатрапы как дипломаты (о специфике дипломатических взаимоотношений ахеменидских наместников с греками). В кн.: Э.Д. Фролов (ред.), *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 16, 1. СПб., 41–66.
- Rung, E.V., Venidiktova, E.A. 2017: [Treaties of friendship between the Greeks and the Persian Kings]. In: O.L. Gabelko et al. (eds.), *IRANICA: Iranskie imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. – VI v. n.e.*

[*IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC to the Sixth Century AD*]. Kazan, 172–180.

Рунг, Э.В., Венидиктова, Е.А. 2017: Договоры о дружбе между греками и персидскими царями. В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.), *IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в.н.э.* Казань, 172–180.

Schepens, G. 2012: Timocrates' Mission to Greece – Once Again. In: C.J. Tuplin, F. Hobden (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 213–241.

Surikov, I.E. 2017: [“The incredible adventures of the Europeans in Asia” (Famous Athenians of the sixth and fifth centuries B.C. in the territory of the Achaemenid Empire)]. In: O.L. Gabelko *et al.* (eds.). *IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в.н.э.* [*IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the sixth century BC to the sixth century AD*]. Kazan, 181–213.

Суриков, И.Е. «Невероятные приключения европейцев в Азии» (знаменитые афиняне VI–V вв. до н.э. на территории Ахеменидской державы). В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.), *IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в.н.э.* Казань, 181–213.

Tuplin, C.J. 1987: The treaty of Boiotios. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A.T. Kuhrt (eds.), *Achaemenid History. II, the Greek Sources. Proceedings of the Groningen 1984 Achaemenid History Workshop*. Leiden, 133–153.

Waters, M., Claire, E. 2010: Applied royal directive: Pissouthnes and Samos. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *Der Achämenidenhof: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema „Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen“*, Landgut Castelen bei Basel, 23–25. Mai 2007. Wiesbaden, 817–828.

Westlake, H.D. 1977: Athens and Amorgos. *Phoenix* 31, 3, 319–329.

Eduard V. Rung,

Э.В. Рунг,

Kazan Federal University,
Kazan, Russia

д.и.н., профессор кафедры
всеобщей истории Института международных
отношений, истории и востоковедения,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

Aleksandr S. Sapogov,

А.С. Сапогов,

Gymnasium No.34,
Saratov, Russia

к.и.н., учитель истории МОУ «ГИМНАЗИЯ № 34»,
Саратов, Россия

E-mail: as_sapogov@mail.ru